

*Моему папе – Акатаю Беркимбаеву,
когда он был маленьким*

Алия
Беркимбаева

Сказки
деда Доцта

Повесть-сказка

ИЗДАТЕЛЬСТВО
FOLIANT

Глава 1

ТАМ, ГДЕ ТЕЧЕТ РЕКА МОЕГО ДЕТСТВА

 то произошло в маленьком ауле у подножия Джунгарского Алатау – там, где течет неугомонная горная речушка Биенка. Тяжелое это было время. Мужчин, которые вернулись с войны, можно было пересчитать по пальцам. Так что в основном работали женщины и подростки – вся тяжесть послевоенного времени упала на них – именно им пришлось восстанавливать разоренное во время войны хозяйство.

Мать вставала засветло, стряпала нам на день из того, что было: когда – картошку в мундире сварит, когда – кашу-болтушку из горсти муки и воды, приправленную солью, когда – суп из крапивы и щавеля с мерзлой картошкой... Хлеба мы почти не видели в те дни. Когда спустя несколько лет после войны мать испечет лепешки из настоящей пшеничной муки, это будет для нас большой праздник, но до

того времени мы перебивались как могли. Главным было пережить зиму, весной мы переходили на подножный корм – грибы собирали, горный чеснок – джусай, съедобные корешки.

Мать уходила на работу затемно, когда мы еще спали, и возвращалась, когда стемнеет. Она работала на ферме дояркой. Было у меня еще два старших брата-близнеца. Во время войны им пришлось бросить школу и пойти работать в колхоз. Так что все хозяйство держалось на мне – и воды натаскать с водокачки, пол подмести, огород прополоть, да мало ли еще что.

Я никогда не видел своего отца, ну разве что на старой пожелтевшей фотокарточке, а мой отец так и не узнал, что у него родился еще один сын, потому что я появился на свет спустя два месяца после того, как он погиб на войне. Уже будучи взрослым, я отыскал его могилу – он был похоронен в братской могиле в Белоруссии. Я нашел его имя среди многих других. Оно было вытесано на черной мраморной плите и покрыто позолотой – вот и все, что осталось от моего отца.

Больше всех на свете в детстве я ненавидел Гитлера. Мне он представлялся страшным черным драконом, напавшим на нашу страну. Мой отец отправился на войну, чтобы сразиться с ним, но Гитлер оказался сильнее и убил моего отца. Другие смогли с ним справиться. Так говорила мне в детстве мать, и я понял – во всем виноват проклятый дракон Гитлер. Это из-за него мать плакала по ночам, уткнувшись в подушку, а ее прежде нежные руки загрубели от тяжелого труда. Это из-за него так и не вернулся

домой отец. Это из-за него мы голодали. Это из-за него у нас была одна пара сапог на троих. Это из-за него я тогда подрался за кусок хлеба.

Болат, сын мельника, который ни на какую войну не ходил – у него была «бронь» от мобилизации как у особо нужного, забавы ради, бывало, стравливал нас, голодных детей. Тогда я подрался с Момкуном – соседским мальчишкой, который был старше меня на год. Я победил, хоть Момкун был выше меня на целую голову. Секрет моей победы был прост – я представил себе, что дерусь не с Момкуном, а с самим Гитлером, и потому дрался отчаянно, вымещая на нем всю накопившуюся во мне злобу. Я повалил Момкуна на землю и, не обращая внимания на его мольбы о пощаде, продолжал неистово колошматить его до тех пор, пока нас не разняли. Момкун, размазывая кулаками слезы на грязном лице, шатаясь, поплелся домой. Я сидел в пыли, из носа у меня хлестала кровь, но я этого не замечал. Я пришел в себя только тогда, когда сын мельника одобрительно похлопал меня по плечу и протянул вождь-ленный кусок хлеба. То ли я был неловок, то ли он, но хлеб упал на пыльную дорогу прямо к его ногам, и мне пришлось наклониться, чтобы поднять его. Мне показалось, что в этот момент в его глазах была довольная усмешка. Позже я поделил краюху хлеба на три части. Одну часть – крохотный пыльный кусочек – я тут же проглотил, вместе с кровью, что струилась из разбитого в драке носа. Вторую часть оставил для матери. А третью – в тот же вечер отдал Момкуну. Узнав о том, что произошло, мать не стала есть хлеб, но, достав из сундука отцовский ремень,

впервые за все это время сурово выпорола меня, а после, уже лежа в постели, я слышал ее беззвучные рыдания – она плакала, прикрывая рот рукой, чтобы не разбудить нас... Наутро мать строго-настрого наказала мне вернуть тот злополучный кусочек хлеба сыну мельника. Я засунул его в нагрудный карман на рубашке да так и не вернул – обронил его где-то ненароком... А жаль... Хлеб тогда был на вес золота, да что золота! Хлеб был сама жизнь...

Что мы только не делали, чтобы выжить в то непростое время! Ловили воробьев, голубей и жарили их на костре, в реке удили рыбу, весной и летом выкапывали из земли съедобные корешки, собирали грибы, ягоды, съедобные травы. В голодные дни даже кору с деревьев, бывало, сдирали, сушили и измельчали ее на муку, потом мать пекла из нее горькие лепешки, от которых сводило живот, но все же на время это утоляло мучивший нас голод. Тогда я мечтал поскорее вырасти и пойти работать, как мои старшие братья. Я бы так и сделал, если бы не Сеит, мой старший брат, который, узнав о моем решении, достал из сундука тот самый ремень и хорошенько огрел меня им по одному месту.

– Учись, – сказал он мне. – Станешь ученым человеком, будешь жить по-другому.

– Ты мне не отец, чтобы указывать, – запальчиво ответил ему я и, ловко увернувшись от очередного удара ремнем, выскочил из дома.

Сеит погнался за мной, угрожающе размахивая ремнем. Я со всех ног бросился бежать через дворы, пока наконец не добежал до моста и, убедившись, что погоня отстала, спустился с моста вниз к реке

и уже спокойным шагом пошел дальше на «полянку» – потайное место, о котором знали только я и мой верный друг Кенже. Мне кажется, у каждого человека должно быть такое особенное место, куда можно было бы убежать от невзгод, хоть на время. Кенже, конечно же, не было на полянке – накануне мать отправила его погостить к тетке в соседний аул. А жаль – дружеская поддержка была бы мне очень кстати.

«Полянка» представляла собой зеленую лужайку у излучины реки. Когда-то во время селя разбушевавшаяся река принесла с гор огромные валуны, так они там и остались. Нам с Кенже очень нравилось играть среди этих камней. У ручья, что впадал в реку, возвышался огромный белый камень овальной формы. Мы прозвали его Хан-Шатыр – потому что по виду он напоминал белоснежную шести-

крылую юрту. С него хорошо было видно всю полянку. Мы с Кенже любили взбираться на Хан-Шатыр и лежать на теплом прогретом солнцем камне, смотреть в бездонное синее небо, на проплывавшие по небу пушистые белые облака, и придумывать, на что они похожи – на бегущего волка с оскаленной пастью, летящего дракона, коромысло с ведрами и тому подобное. Под Хан-Шатыр вода в свое время нанесла много песка, и нам нравилось, смочив его водой, что-нибудь лепить из него. Как и все мальчишки послевоенного времени, мы мечтали стать героями, защищать Родину, поэтому чаще всего лепили самолет или танк, вставляли палки, как дула орудий, и метко стреляли из них по невидимому врагу. «На, получай, фашист, – выкрикивали мы. – Что не нравится? Будешь знать, как нападать на нас!»

У самого основания Хан-Шатыр – там, где не поддувает ветер, мы сложили из камней очаг и, бывало, жарили на нем картошку. Ох и вкусна была картошечка в мундире, запеченная в золе, чуть-чуть приправленная щепоткой соли! Запас соли, надо признаться, был в свое время предусмотрительно утащен из дома и надежно хранился тут же, под одним из камней – в маленькой жестяной баночке из-под монпансье.

Рядом с Хан-Шатыр лежал плоский темно-серый камень, покрытый светло-зеленым и оранжевым мхом. Одна сторона его была испещрена трещинами вдоль и поперек, так что походила на стену древнего замка, сложенную из тесаных камней. Над каменной стеной была неглубокая выемка, заполненная битым стеклом. Мы с Кенже изрезали себе все

пальцы, пока насобирали эти стеклянные осколки. Но для нас это было не битое стекло, а сказочная сокровищница, полная несметных богатств.

С другой стороны к Крепости примыкал белый валун, напомилавший по форме двугорбого верблюда. «Ак-Бура» – так называли мы его, что значит «белый верблюд». Бывало, мы с Кенже садились на каменного верблюда и погоняли его босыми пятками, воображая, как едем на нем среди знойных пустынь, заброшенных городов, непролазных джунглей, отбиваясь от саблезубых тигров и гигантских пауков. Что может быть чудеснее, чем возможность перенестись на крыльях воображения куда угодно и когда угодно! Я подошел к Ак-Буре и погладил его каменную морду. Обида душила меня. Здесь, в одиночестве, я дал волю слезам. Больше всего на свете в этот миг мне хотелось умчаться от всех подальше, чтобы все вдруг поняли, какой я замечательный, и пожалели, что не ценили меня как следует. Больше всех, разумеется, должен был раскаиваться в своих проступках несносный Сеит, вообразивший, что имеет право решать за меня, что мне делать и как мне жить. Я все выложил начистоту Ак-Буре и уже было собрался ускакать на нем куда подальше, как вдруг услышал чей-то тихий голос:

– Далеко ли собрался, сынок?

Я оглянулся по сторонам, чтобы удостовериться, не померещилось ли это мне, и только тут заметил деда Даута. Тот сидел как ни в чем не бывало на прогретом солнцем песке рядом с камнем Хан-Шатыр и, щурясь на солнце, внимательно смотрел на меня.

– Что Вы здесь делаете? – запинаясь спросил я.

– Ясное дело, что – грею свои старые кости, – ответил старик, доставая из кармана аккуратно сложенный лист пожелтевшей от времени газеты и скручивая из него козью ножку. – Вконец ревматизм замучил.

Я присел на песок рядом со стариком. Дед Даут выпустил изо рта колечки дыма и снова пошарился в кармане.

– На-ка вот, держи, – сказал он мне, протягивая крохотный кусочек навата, к которому прилипли крошки махорки.

Я поспешно сдул с него крошки махорки и отправил в рот, все еще не веря своему счастью. Мы тогда и хлеб-то не каждый день ели, не то что сладости!

Дед Даут, не выпуская папироски изо рта, улыбнулся уголками губ. Это был щуплый подвижный старичок с коротко остриженными седыми волосами, чем-то походивший на потрепанного воробья. У него были живые серые глаза и смуглое лицо, все испещренное морщинами. Стоило старику улыбнуться, как тотчас вокруг глаз у него собирались солнечные лучики. Жидкая серебристо-серая борода, которую он время от времени поглаживал, не добавляла ему солидности. Старик, как сейчас помню, ходил в неизменном выдавшем виды картузе, старом потертом пиджаке и в широких, не по размеру, штанах, болтавшихся на его тщедушном теле как паруса и державшихся на поясе только благодаря старому ремню с потускневшей бляшкой. В одном из карманов пиджака он, по своему обыкновению, носил выцветший от времени кисет с махоркой и аккуратно сложенную пожелтевшую от

времени газеты, чтобы при случае скрутить из нее козью ножку, а в другом – узкирик – глиняную свирель, по форме напоминавшую летящую птицу. Старуха его была грузной дородной бабой, с вечно недовольным лицом, и частенько бранила старика на чем свет стоит, а он знай только добродушно посмеивался и отшучивался.

– Что, вкусно? Вот и хорошо, – одобрительно сказал старик, взглянув на меня. – А то что-то завалился у меня этот кусок сахара в кармане...

Я мотнул головой в ответ, млея от счастья.

– Через пару лет, вот увидишь, все наладится, – сказал старик, уверенно туша окурок в песке. – И хлеба будет вдоволь, и сахара. Будем есть до отвала. Вот как заживем!

Я представил себе полку у нас дома на кухне, полную душистых буханок хлеба – ешь не хочу, и мечтательно вздохнул. Тем временем кусочек навата превратился в тонюсенький хрупкий осколок,

вот-вот готовый раствориться на моем языке окончательно и бесповоротно. Старик достал из кармана узкирик и заиграл. В воздухе разлились протяжные заунывные звуки, напоминавшие завывание ветра в степи и шелест травы в поле.

– Может, сказку тебе рассказать? – предложил вдруг старик. – Я знаю пару историй.

Честно сказать, не очень-то мне и хотелось слушать стариковы истории, но почему-то я снова мотнул головой. Как-то неловко было вот так сразу уходить после того, как съел кусок навата. И дед Даут начал свой рассказ. Иногда он прерывался, прикладывая к губам птицу-свирель, закрывал глаза, словно прислушивался к своему сердцу, а потом снова продолжал удивительную историю, которую сегодня, слово в слово, я поведаю Вам...

Сказка речного жемчуга

...В жарких степях Казахстана
Дуют ветры-суховеи,
Опалёны южным солнцем,
Черным смерчем мчат по степи,
Обращая в пыль и пепел
Сизый прах земли...
Дуют ветры-суховеи,
Клонится к земле туранга,
И, гонимы суховеем,
В даль полуденного солнца,
Вечным странникам подобны,
Катят перекасти-поле...

Горячо дыханье ветра,
Зноем дышит солнце в небе...
Дуют ветры-суховеи...
И поют барханы...

***

 казка ли была то? – Молчит о том легенда. Хранит свою тайну казахская степь. Много воды утекло уж с тех пор, сын мой. Много лун сменило солнце, сын мой, когда сны были явью, а слова мои – жизнью...

***

Жил в те давние поры и правил степью злой и жестокий хан Балхаш, известный хитростью и коварством. Своими жестокими набегами разорил он соседние племена, предал огню их жилища, обогрил кровью их земли, увел в плен стариков, детей и женщин, а захваченное добро и скот поделил он между своими воинами. И не видел он слезы сирот, и не слышал он проклятья матерей, глух и нем был он к их мольбам и стонам. В праздной роскоши и увеселениях проводил он дни свои, окруженный толпой придворных льстецов и поэтов, что прославляли его в своих песнях. Щедрой рекой лился кумыс, а в казанах не переводилось свежее мясо. Далеко в даль простирались земли его: богатые пастбища и бесплодные пустыни, горы, поросшие вечнозеленым ельником, где родники холодней и прозрачней горного хрусталя. И неисчислимы были стада его, что паслись на этих землях: овцы с шерстью белой и чистой, что снег в горах, табуны породистых лошадей, горячих и быстрых, что

степные смерчи. Но самым главным богатством у хана была его единственная дочь – луноликая Или, красотой своей затмевавшая солнце в небе. Высокая, статная, белолицая, глаза – голубые и ясные, что вода в весенних озерах, глянешь в них – и себя потеряешь. Волосы ее, густые, иссиня-черные, что крыло у ворона, так и искрятся на солнце, заплетенные в тугие тяжелые косы. Взлелеянная лаской и любовью, не зная горя и забот в отчем доме, расцвела Или в семнадцать лет красотой необыкновенной, точно лунный цветок на заре. Слава о красоте ее быстро разнеслась по свету, созывая женихов и сватов в аул старого Балхаша.

А в ту пору жил в степи молодой охотник по имени Каратал. Высокий, стройный и ловкий. Мускулы его точно кованой медью налиты, а в глазах –